

Достоинства и недостатки традиционного русского жилища (XVII—XVIII вв.)

А.В. Шипилов

На протяжении многих веков основным типом русского жилища был срубный дом — изба. Существует много свидетельств иностранных путешественников, дипломатов, военных и других лиц, рассказывавших в своих записках о том, насколько некомфортными, не отвечающими их представлениям о санитарно-гигиенических нормах, были условия проживания в традиционном русском жилище. Отопление «почерному», волоковые оконца, маленькие двери, отсутствие кроватей, освещение с помощью лучины, содержание в избе зимой молодняка скота и птицы, дымный и спертый воздух и прочие неудобства — все это фигурирует во множестве источников. «Что касается построек этой страны и образа жизни этих людей, то есть большая разница с нашей родиной, — писал Г.М. Айрман — немец шведской службы, побывавший в России в 1669 г. в составе шведского посольства. — Их жилища можно скорее сравнивать со стойлами для скота и свиней, чем с домами...»¹.

Большую часть претензий, предъявлявшихся иностранцами, действительно, следует признать справедливой: с точки зрения современных стандартов, бытовые условия жизни в русской избе можно охарактеризовать не иначе, как экстремальные. Однако в полной мере это относится только к однокамерному поземному жилищу южно-великорусского типа, и то в основном в зимний период; делать окончательный вывод об исключительно тяжелых бытовых условиях, в которых проживало абсолютное большинство населения России XVII — XVIII вв., из этого не следует. Жилая площадь избы — то есть помещения, оборудованного печью, была недостаточной (как правило, 2—3 м² на человека), однако летом в трехкамерных избах-связях можно было спать и в клети, да и в двухкамерной избе с сенями площадь последних нельзя полностью не принимать во внимание (к тому же на дворе могла стоять и отдельная клеть). В избах, топившихся по-белому, жилищные условия были значительно лучше, и хотя доля таких жилищ, особенно в деревне, была невелика, развитие шло именно в этом направлении (то же следует сказать и о домах на высоких подклетах). Со временем на дворах увеличивалось количество хозяйственных построек, что уменьшало необходимость держать скот в избе или бане (причем последнее практиковалось только зимой); земляные полы, по-видимому, были тогда не очень распространены, а в домах с деревянным полом, особенно на Севере и в Сибири, уборку делали достаточно часто.

Вплоть до второй половины XVIII в. основная масса населения европейских стран проживала в сельской местности (кроме Голландии, где горожан было около 60%, и Англии, где их доля составляла 25—40%)². Первое, на что стоит обратить внимание при рассмотрении характеристик жилищ крестьян зарубежной Европы, это то, что тип русской избы — однокамерной, двухкамерной (изба — сени) или

трехкамерной (изба — сени — клеть, или изба — сени — изба), вовсе не был уникальным: это общеславянский тип жилища, и в рассматриваемое время такие (идентичные в плане, а часто и по материалу и конструкции) жилища были распространены у чехов, словаков, поляков, сохранялись они и в тех районах Европы, которые раньше были заселены славянами (на севере позднейшей Румынии, западе Венгрии, в австрийских Каринтии, Штирии и Тироле). Срубная или закладная техника, распространение каркасных мазанок по мере сведения лесов, покрытие дранью или соломой, земляные полы, волоковые или красные с колодной рамой окна, встроенная неподвижная мебель, структура интерьера «печь — красный угол» — все это было характерно для сельских жилищ Польши и славянских провинций Австрии (сами названия дома и отдельных его частей, а также некоторых хозяйственных построек имеют ту же этимологию, что и русские)³.

В отношении строительного материала и техники строительства русская изба также вовсе не была уникальна: по всей Европе, и не только на территориях, заселенных славянскими народами, в районах, богатых лесом, строили из дерева, причем часто в срубной технике, а, например, соломенные кровли были в рассматриваемый период гораздо больше распространены в Европе, чем в России. Так, в Германии (так же, как в Австрии и Швейцарии) дома строили в закладной или каркасной технике; по всей Германии крыши крыли соломой, и только в лесных районах со слабо развитым земледелием (в Баварии, Альпах) — гонтом (деревянной дранью). Точно так же соломенные крыши были распространены в северной Франции, причем даже в городах: в XVII в. Дижон был застроен деревянными домами с соломенными крышами. Здесь, как и в германских государствах, шиферные или черепичные крыши стали входить в деревенский быт только в конце XVIII — начале XIX в., причем и в это время такая кровля служила показателем зажиточности. В Швеции, Норвегии и Финляндии крестьянские дворы представляли собой совокупность деревянных срубных построек, при этом финские дворы были весьма похожи на севернорусские (при этом в домах восточных финнов стояли такие же курные духовые печи, что и в их русских соседей). Даже в Новой Англии вплоть до начала XVIII в. господствовали соломенные крыши вкупе с маленькими окошками, затянутыми промасленной бумагой⁴.

В России, в отличие от Европы, не имели большого распространения разного рода примитивные типы жилищ (за исключением некоторых районов Сибири). Во многих районах Европы традиционно пастушеское скотоводство было более развитым (и генетически более ранним) видом хозяйства, чем земледелие, поэтому хижины, в которых в Сибири могли жить только охотники-промысловики, в рассматриваемый период оставались традиционной частью европейского пейзажа. В России, исключая самые южные районы, климатические условия таковы, что вынуждают возводить более или менее капитальные дома, в то время как в Италии, Греции или даже в Подунавье перезимовать можно и в шалаше с очагом или жаровней. В заселенной кочевыми уграми в конце IX в. Венгрии еще в XIV в. были распространены войлочные юрты, а крестьяне Альфельда и гораздо позже жили в землянках. У австрийских и турецких словенцев, хорватов, сербов, македонцев, черногорцев даже в XIX в. были широко распространены землянки, полужемлянки, плетневые хижины, шалаши, однокамерные избушки (без потолка, с открытым очагом). В подобных домиках жили и албанцы, и греческие крестьяне. В XVII в. Ю. Крижанич писал: «Сербы между Дунаем и Савой строят избы и церкви свои в земле, вроде русских погребов, из-за нехватки дерева и из-за притеснений турок и, как я думаю, из-за своей глупости»⁵.

В Румынии в XVII в. господствовали землянки и полужемлянки, в Олtenии землянки оставались даже в городах вплоть до середины XIX в., а в некоторых сельских районах еще в 1860 г. доля землянок достигала 90%, хотя вместе с ними строились и наземные мазанки. Такая же ситуация была и в Болгарии, где землянки и шалаши встречались вплоть до второй половины XIX века. В Италии и Испании практически до сегодняшнего дня дожили пещерные поселения (даже целые города с населением до 10 тыс. человек), где люди живут в искусственных (вырубленных в скалах) пещерных жилищах. Еще больше были распространены круглые хижины пастухов, сложенные всухую из камня, крытые соломой, травой и т.п., однокамерные, с открытым очагом, часто без окон и с земляными полами; в некоторых районах земледельцы и рыбаки строили себе жилища из соломы или тростника. Подобные примитивные жилища бытовали не только на юге, но и на севере — везде, где было развито пастушеское скотоводство: так, в Швеции пастухи жили в срубных домиках, где дым от очага выходил через отверстие в потолке, вместо окон были узкие щели, а вся мебель ограничивалась пристенными неподвижными лавками (не было даже стола)⁶.

Развитое животноводство служило причиной и еще одной специфической черты традиционного сельского жилища многих районов Европы: объединения под од-

Шипилов Андрей Васильевич — кандидат культурологии, доцент Воронежского государственного педагогического университета.

ной крышей людей и животных. В этом отношении русское (скорее, южнорусское) обыкновение помещать на зиму птицу и молодняк в избу или баню не имело того колорита уникальной и исключительной отсталости, какой придают ему соответствующие описания западноевропейцев — в тех странах, откуда приезжали последние, и еще больше в районах Юго-Восточной Европы, тот же самый весьма сомнительный в санитарно-гигиеническом отношении обычай бытовал если не в первой половине XVIII в., то всего за несколько десятилетий до этого. Так, в XVII — XVIII вв. основная масса болгар жила в однокамерных хижинах или землянках, в которых вместе с людьми помещался и скот; в землянках Дунайской равнины скот находился вместе с людьми даже в начале XX века. Точно так же вместе с людьми помещался скот в землянках, шалашах и пастушеских хижинах других южнославянских народов, находившихся под властью Габсбургов или Порты (например, в Македонии до конца XIX в. сохранялись однокамерные хижины без потолка и окон — дым из очага выходил в дверь или через крышу, — в которых люди жили вместе со скотом). В албанских пастушеских однокамерных хижинах-касолах люди и животные помещались рядом; в лучшем случае хлев отделялся от жилой части помещения с очагом не доходящей до потолка плетневой перегородкой, причем вход в хлев часто был непосредственно из жилой части.

Объединение людей и животных в одном помещении было одной из наиболее примечательных характеристик сельских жилищ и куда более развитых стран Западной Европы. Так, традиционный нижненемецкий (саксонский) дом «халленхауз» представлял собой столбовую однокамерную постройку без потолка и печи, по обеим сторонам которого располагались плетневые стойла для крупного рогатого скота и лошадей; животные стояли головой к центральной части дома — открытой площадке «халь», использовавшейся как гумно, в глубине которой располагалась жилая часть с открытым очагом. Жилое помещение еще в середине XVII в. не отделялось от стойл; лишь позднее между жилой зоной и стойлами появилась перегородка. Мало чем в этом отношении отличался и средне немецкий (франконский) дом: здесь также жилая зона с очагом первоначально не отделялась от стойл, и только в XVIII в. для этого стали использовать шкафы, а затем появилась легкая перегородка с дверью.

На территории Нидерландов и Бельгии бытовало два типа домов: «халлехис», или «дом-стойло», той же планировки, что и «халленхауз», и фризский дом «гульфе-ис», где стойла также не были отделены от жилой части, только на центральном месте еще располагался огромный стог сена. В местном дождливом климате сено сначала хранили в стогу под навесом, затем этот навес стали ставить вплотную к дому, а с конца XVI в., когда здесь стало развиваться товарное молочное скотоводство и травосеяние, этот стог переместился уже внутрь дома. Подобные жилища бытовали в Бретани, Оверни и других районах Северной и Центральной Франции: жилая зона с очагом и стойла располагались под одной крышей, и к началу XVIII в. жилье отделялось от хлева только перегородкой, не доходящей до потолка. Если во Фризиандии центром дома был стог, то во Фландрии и Фламандии жилые помещения, хлев и конюшня образовывали четырехугольный двор, причем стойла и конюшни имели общую стену с жилой комнатой и сообщались с ней внутренними дверями, центром же двора служила большая навозная яма. На юге, в Басконии, дом также изначально представлял собой однокамерную постройку, в которой находились вместе люди и скот. В домах Шотландии и Ирландии очаг находился посередине, по одну сторону от него была жилая зона, по другую — стойла для скота, которые сначала не отделялись от первой, а затем отгораживались шкапами, буфетами, плетнем или деревянной рамой с натянутым на нее холстом. Такие же «длинные дома» («лонгхаусы») бытовали и в самой Англии, хотя здесь разделение жилых помещений и хлева произошло раньше, в XVI — XVII веках⁷.

Санитарно-гигиенические стандарты курной избы русского крестьянина, в которой зимой вместе с людьми могли находиться птица и даже теленок, и дома европейского крестьянина, который фактически жил у очага в хлеву, были одинаковыми. Другое дело, что в ряде экономически развитых стран Западной Европы увеличение камерности жилища началось раньше, происходило быстрее и было характерно для более широких слоев населения, чем в России; однако даже к началу XVIII в. это различие было еще вовсе не так велико, как впоследствии, к тому же на остальной территории Европы жилище основной массы населения развивалось далеко не так интенсивно. Русские крестьяне XVII — XVIII вв., за крайне редким исключением, не жили в пещерах, землянках, тростниковых хижинах, шалашах и других примитивных жилищах. Конечно, отопление по-черному, волоковые окошки, низкие двери и небольшие размеры жилого помещения не делали русскую избу особенно комфортабельным жилищем, однако все эти отрицательные характеристики избы определялись суровостью российского климата.

Следует отметить, что, читая замечания иностранцев о «смраде» и «грязи» в русских избах⁸, необходимо делать существенные поправки на бытовые стандарты соответствующего периода: в XVII — XVIII вв. санитарно-гигиенические нормы в Европе были ничуть не ближе к современным, чем российские той же эпохи. Еще в XVIII в. в Лондоне открытые сточные канавы шли посреди улицы, и это было знаком прогресса по сравнению с Парижем, где нечистоты выливались из окон прямо на улицу, что было запрещено специальным ординасом только в 1777 году⁹. То же самое происходило и в Германии — А.Т. Болотов, живший в конце 30-х годов XVIII в. в Кенигсберге, обращал внимание на то, что «в тесных городских улицах досадная неудобность бывает та, что по ночам всякую нечисть и сор выкидывают из домов на улицы, которая, хотя ежедневно, особыми и нарочно к тому приставленными людьми и считается и свозится долой, но нередко бывает от того дурной запах и духота, заражающая воздух, и от того нижние покои обыкновенно бывают очень скучны»¹⁰.

В больших и малых европейских городах с их плотной застройкой и фактическим отсутствием дворов отправление естественных потребностей нередко происходило непосредственно на улице, на что обращал внимание теперь уже русские свидетели. Посол А.А. Матвеев, направляясь в 1705 г. в Париж и проезжая через городок Дубе, замечал: «улицы в том и в иных городах самые нечистыя и вони наполнены»¹¹. Побывавший в 1717 г. во французской столице Петр I отзывался о ней так: «Париж воняет»¹². Д.И. Фонвизин в своих «Письмах из Франции» — литературно обработанных путевых записках 1777 — 1778 гг., писал, что «нечистота в городе такая, какую людям, не вовсе оскоптившимся, переносить весьма трудно», и «на скотном дворе у нашего доброго помещика чистоты гораздо больше, нежели пред самыми дворцами французских королей». Не лучше, по его свидетельству, выглядели и французские сельские поселения: «Во Франции множество маленьких деревень, но ни в одну нельзя въезжать, не зажав носа. Со всем тем привычка от самого младенчества жить в грязи по уши делает, что обоняние французов нимало от того не страдает»¹³.

Главным недостатком традиционного русского жилища было то, что оно было деревянным, и поэтому сравнительно недолговечным. Срок службы жилой постройки из дерева не превышает 100—120 лет, максимум 200 — это в том случае, если используется лучшая, «кондовая» сосна (мелкослойная — до 16 слоев на 1 см), а жилье из «черного» леса, то есть березы, осины и т.п., приходит в негодность уже через 20—30 лет. Только культовые постройки, если у них вовремя перекрывают кровлю и заменяют гнившие бревна, служат до 300 лет, в крайне редких случаях до 500 лет, но за это время сруб, как правило, один-два раза должен быть полностью перебран¹⁴. Нестойкость древесины как строительного материала вызывала необходимость постоянных затрат труда и капитала на жилищное строительство, препятствовала кумуляции материальной культуры: «деревянная Россия перестраивается каждые 30 лет, — писал М.В. Довнар-Запольский, — тогда как на Западе жители пользуются домами, существующими несколько столетий»¹⁵.

Еще большим недостатком деревянного жилища была повышенная пожароопасность. Деревянные русские села и города горели с удручающей регулярностью. По свидетельству иностранных путешественников XVII в., Москва горела каждую неделю. Так, Адам Олсарий — член голштинского посольства 1633 — 1634 гг., писал: «...Не проходит месяца и даже недели, чтобы несколько домов, а временами, если ветер силен, целые переулки не уничтожились огнем. Мы в свое время по ночам иногда видели, как в 3—4 местах зарод поднималось пламя. Незадолго до нашего прибытия погорела третья часть города, и, говорят, четыре года тому назад было то же самое»¹⁶. А вот еще более впечатляющий документ — выдержки из записок члена голландского посольства, побывавшего в Москве в 1675—1676 гг., Б. Койзтта:

«...В среду, 1 апреля, вскоре после обеда, недалеко от нашего двора начался сильный пожар, обнявший целых 300 домов. Так как здесь нельзя было достать воды, а снега на крышах не было, то просто стали сносить дома... В среду, 15 апреля, около часу, во дворе какого-то князя, недалеко от нашего двора, начался большой пожар, вследствие сильного ветра так увеличившийся, что одна или две улицы с дворами и домами выгорели... Пожар продолжался целых два часа, уничтожил около 200 домов, считая в том числе и те, которые были снесены... В ночь на понедельник, 20 апреля, по ту сторону Москвы-реки был большой пожар, равно как и в других местах, несколько ночей подряд... В воскресенье, 26 апреля, возник сильный пожар, как раз за Мясницкими воротами, а после обеда — другой, в 3 или 4 верстах от города. Думали, что сгорела целая деревня...»¹⁷.

Ничуть не улучшилась ситуация и в следующем столетии. Екатерина II в 1753 г. писала: «Из моих окон во дворце мне иногда случалось видеть разом по два, по три, по четыре и даже по пяти пожаров в различных сторонах Москвы»¹⁸. До того, как

